

Унесса Рэй Индиго

Шалантида

Сборник притчей
и стихов

Инесса Рэй Индиго
Талантида. Сборник
притчей и стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23793751

ISBN 9785448506086

Аннотация

Если у человека есть своё мнение и свой взгляд на мир – это уже личность, а если он при этом может облечь свои мысли в разнообразные красивые формы – это уже талант. Внутренние миры неординарных творцов похожи на спрятанные под толщей океанов и времён острова с нетронутыми сокровищами. И я хочу пригласить вас в свою Атлантиду. Здесь среди россыпи стихов вы найдёте полюбившиеся сказки для взрослых про истину, про художника и короля, про ангелов и чудовищ.

Содержание

Сказка про Истину	6
Я знаю	23
Дуэль	25
Люди-корабли	27
Графоман	29
Мата Хари	31
Свободный художник	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Талантида

Сборник притчей и стихов

Инецца Рэй Индиго

© Инецца Рэй Индиго, 2019

ISBN 978-5-4485-0608-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фрагмент авторской картины Инецсы Рэй Индиго «Влюблённые»

*«Если у человека есть своё мнение и взгляд на мир
– это уже личность,
а, если он при этом может облечь свои мысли
в разнообразные красивые формы – это уже
талант.»*

(I.R.I.)

Сказка про Истину

Истина рождается в чистых небесах. Она также прозрачна и легка. Звёздным светом и незримым свежим воздухом эта странница проходит сквозь наши жизни. Чтобы узреть её нужно просто закрыть глаза и распахнуть свою душу. Но особый вид истины иногда появляется в местах, погрязших во лжи и во тьме. Одним из таких многочисленных мест на земле и являлся город Жабинск.

Как не трудно догадаться, основан он был на древних густых болотах, которые преданные жабичи упорно считали чудодейственными грязями. Подтверждали их глубочайшее заблуждение столь же древние легенды о безжизненности и проклятости этой территории, а также архаичный её топоним Гольдрания. Однако местные этнографы и краеведы трактовали это якобы европейское название, как «золотой дождь».

Вполне возможно, что он когда-то осыпал драгоценными трофеями легендарного основателя Жабинска, однажды надолго увязшего в этих болотистых землях со своими бесстрашными драгунами. Шли годы и века, а с ними бесконечные дожди, приумножавшие грязевые залежи, только вот мифологического золота в них так и не просматривалось.

А всё потому, что золото это было заколдованным и невидимым – бралось из ниоткуда и исчезало в никуда, то есть

в сокровищницах последующих градоначальников. Пытаться раскрыть секрет добычи и использования неприкосновенного жабинского золота было строго запрещено на государственном уровне. В губернаторской булле золотым по белому было сказано, что такого отступника непременно постигнет смертельная кара древнего проклятия этого ископаемого. В народе же поговаривали, будто единственным проявлением проклятия было то, что его обладатели превращались в животных.

Вероломных исследователей золотоносных болот власти строго казнили, а тех, кто думал изобличить уполномоченных старателей, признавали тяжело больными и отправляли на принудительное лечение в самые недра чудодейственных грязей, откуда никто не возвращался. Многим в Жабинске и за его пределами было очевидно, что всё это ложь и многовековой сговор правящего клана, озолотившийся выходец из которого даже взошёл на государственный престол. Но все хранили молчание и черпали из него своё золото.

Благодаря волшебным приискам город вымахал большой и роскошный, невзирая на то, что внутри и снаружи его дворцов всегда царил мрачная сырость. Феноменальная роскошь Гольдрании начала привлекать в эти места несметное число лиходеёв со всей страны. В жабинском тумане они жили необычайно вольготной жизнью, словно сама здешняя природа благоволила их тёмным и прибыльным делам. К тому же обратным эффектом проклятого золота было то, что

ОНО ВЫВОДИЛО ЖИВОТНЫХ В ЛЮДИ.

Таким образом, в чопорной Гольдрании разгулялась преступность с её самыми разнообразными группировками, которые бились за невидимое золото в кровь, при этом сбиваясь в крепкие стаи. Кроты и крысы, постепенно заполонившие тайную полицию, отвечали за обнаружение в грязевых кучах источники обогащения и начинали активно копать. На золотой блеск слетались стаи стервятников, занимавшие при птичьем правительстве города теневую роль. Они-то и помогали алчным грызунам переправить награбленное по воздуху, вдали от обывательских глаз, в общую казну своей зооморфной управы.

Сей улов могли вырвать из когтистых лап только откормленные и специально натасканные медведи из бойцовских клубов национальной культуры. А стерёг всё это великолепие клан собачьих жандармов под негласным руководством красных волков. Прочее население стаи держали за бесправных насекомых. Ослеплённые ложью и безропотные жители лишь тихо жужжали о творящемся вокруг беззакония и разлетались, продолжая интеллигентно бороться только за сохранение исторических фасадов своих прогнивших муравейников. Ложь и трусость процветали в Жабинске опоясывающим моховиком...

Истина появилась здесь незаметно для большинства, когда все намертво забыли её отрезвляющий свет и свежий аромат, подобный лазурному озону, и посему уже не испыты-

вали в ней надобности. Она спустилась с небес на стальных крыльях и сразу же озябла в безжизненном болотном мраке. Практически никто из ослепших в хмурых туманах жабичей её не замечал. В немом изумлении она некоторое время лишь наблюдала, как обманчива внешняя красота Гольдрании, в болотной гуще которой собираются оскотинившиеся господа, которые воображают себя по уши в золоте. Они всюду хвастали своими «клондайками» и никого из людей к ним не подпускали. Первыми уловили озоновый аромат ненужной истины собачьи жандармы, а вместе с тем почували неладное:

– Что это?! – повёл носом взволнованный пёс по кличке Хвост, который постоянно увольнялся и обратно внедрялся в хвостатые ряды, – Чуешь, шеф? Что-то неладное, похоже, близится ветер перемен!

– Ни черта в твоих приметах не понимаю, – надменно прорычал ему в ответ вожак собачьих жандармов Умник, – И ничего, кроме посторонней вони не чувю! Разнюхай-ка лучше, Хвост... Ежели это вонь, чего развонялась? А коль ветер, есть ли у него разрешение на то, чтобы на наших болотах дуть?

– Уже, шеф! – завилял хвостом подчинённый, – Каждый угол по этому вопросу разнюхал, все говорят, что дует это из поднебесья, то бишь до наших чудесных грязей не достать. Вот только зачем и к чему дует, весьма интересно. Чую что-то новенькое надует. Ещё понаблюдать?

– Что тут интересного, дурья твоя голова?! – залаял на него Умник, – Завтра по ветру наше золото умыкнут, а ты наблюдать будешь?! Гасить, хватать, закрывать все эти ветродуи надо к чертям собачьими! Выполнять!!!

– Тише, не шуми пока, Умник! В нашем краю ветерок истины сам затеряется и бесследно исчезнет, верь мне! – авторитетно осадил лай прозорливый волчий вожак Хан, и старый друг его стервятник Зубоскал пообещал надёжно перекрыть и без того беспросветные жабинские небеса.

Но на этот раз Хан промахнулся и, как бы встревоженные псы не рубили деревья и мельницы, постепенно воплощался прогноз трусливого Хвоста. Истина, несмотря на летящие в неё куски грязи преступных золотодобытчиков, оставалась чистой и освещала мрак лживых болот, прикрытых сказочными декорациями. Однажды яркие отсветы истины привлекли внимание столичных властей и жандармерии.

По всей Гольдрании начались проверки и капитальные уборки, в ходе которых были брошены в клетку кое-какие крупные звери и вожаки подлых стай. Да только не все. Вскоре королевские делегаты начали увязать в проклятых болотах. То ли не пожелали больше мараться в заколдованном круге Жабинска, то ли сам король со своими кардиналами вступился за старых товарищей. Но правосудие отступило, упорхнув восвояси на драконьих крылах.

На золотоносных болотах воцарились не менее алчные и жестокие преемники казнённых особей. И всё пошло

по старому, если не сказать хуже, ведь теперь стаи знали, что могут рассчитывать на высочайшее покровительство в полной мере. Истина затосковала во всепоглощающей тьме и неправде. Не смогла стать, как все жабичи, но и не могла высвободиться из цепких болот. На золото, что превращало людей в животных, она даже в мыслях не покушалась. Но псы с волками и так к ней не приближались, дабы не осветилась их истинная уродливая суть. В вечных сумерках правящие стаи выгодно маскировались под таинственных аристократов из прогнивших дворцов.

Князьями, графинями и баронами воображали себя вчерашние собачьи Хвосты, крысиные Носы и дворовые Мурки. Но порою, если требовался свет для точного подсчёта своих измазанных в грязи монет или написания лживых доносов, они без стыда использовали Истину, заточённую, как луч в маяке. Беззастенчиво крали этот жизненный свет, тепло и свежие идеи, открывая для себя что-то не менее ценное, чем Жабинское золото. В итоге укрепившиеся в Гольдрании зубастые своры перекрыли ей все пути и выходы, получив поддельный ордер на арест Истины и утопление в грязи, как особо опасную преступницу.

Выход из ловушки оставался только один – вернуться обратно в небо, породившее ненужный свет истины. Она поднялась на самую высокую башню города, набрала полную грудь такого позабытого на вкус свежего озона и уже начала невесомо подниматься на окрылённых руках, не открывая

глаз.

– Стой, дурочка! – крикнул вдруг кто-то снизу. Это был призрачно знакомый насмешливый тон Шутника, друга столичного Вельможи, который однажды отступил перед жабинскими стаями, – Слышишь, Истина-дуристина, ты не видишь, что небо оккупировано стервятниками? Они тебя растерзают! Спускайся ко мне, повеселимся!

Истина открыла светящиеся изнутри глаза и действительно увидела, что в пасмурное небо не пробиться из-за хищных крыльев стервятников, о которых забыла.

– Да-а, поздновато очнулась, – глумливо расхохотался тип, разрисованный под красочного арлекина и окружённый детворой, – Ну ты не плакай, даже если они тебя там сожрут, у тебя всё равно будет два выхода, ха-ха! А мы тебя поймем, правда, детишки?! Никогда ещё не ловили с неба светящийся птичий помёт?

Когда Истина бросила взгляд вниз, на фальшиво смеющихся зевак, то ребячий смех Шутника вдруг старчески надломился и со злого лица начал стекать грим жизнерадостного весельчака.

– Прости меня... – потупившись, выдавил он из себя и, выхватив из рук одного из мальчишек рогатку, начал расстреливать камнями кружащих в небе стервятников. Да ни в одного не попал, лишь рассмешив малышню и собравшихся на городской ратуше жабичей, – Вот чёрт! Может Велюнчика с его фрондой снова позвать? Он тоже у нас крылатый

и с коготками... – почесал голову Шутник, имея в виду ревизора Вельможу, который когда-то был впечатлён самоотверженностью Истины.

Но эта важная персона с тех пор берегла свои драконьи крылья из орихалка и Муранского стекла, и потому прибыл Вельможа к месту событий на своих бронированных каретах, когда сияющую башню уже окружили своры собак и волков, когда толстолобые медведи уже оторвали от строения единственную лестницу в попытках вскарабкаться за беглянкой. До этого безмолвно взирающие на трагедию жабичи расшумелись по поводу подпорченного вандалами исторического вида старинной башни. Но, тут же получив от уполномоченных псов пинков и затрещин за несанкционированный митинг, смолкли.

– Вельможа, выручай нашу Жанну Д'Арк. – еле слышно обратился Шутник к respectable мужчине в серой маске и сером плаще, отдалённо напоминающему венецианского дожа на карнавале. Вельможа возвёл глаза в самую высь и тень легла на его и без того серый облик. Он стиснул зубы и горько покачал головой. Мракобесие творилось в нынешней Гольдрании не только на земле, но и в небе.

Даже одеяние загнанной на Голгофу Истины также показалось запятнанным грязью звериных кланов. Такая безжизненная тоска охватывала избалованное счастьем сердце, что таинственному ревизору захотелось скорее и без оглядки покинуть это место. Он лишь напоследок залюбовался чисты-

ми, как горный хрусталь, слезами Истины и контрастирующим с этой красотой столпотворением ратуши, похожим на одну из картин Иеронима Босха.

– Ну же?! – не выдержал Шутник и подтолкнул неисправимого эстета в бок, – Ты долго пялиться будешь?

– А я что здесь могу поделывать? – растерянно развёл перчатками Вельможа и комичные нарисованные брови его спутника едва не улетели со лба. – Я один против местных не выступлю, тем временем как наша комиссия тонет в окружных заколдованных болотах. К тому же Его Величество приумножил полномочия звериных кланов в ущерб возможностям Фемиды...

– К тому же, дружище, я прекрасно вижу, как ты прячешься от света Истины и глаз зевак! – внезапно выдал правду-матку Шутник, – Боишься, как бы она однажды не обнажила и твою суть?

– Помолчи, глупец! – взвился отстранённый Вельможа, действительно не решаясь показаться на ратуши, – Я не боюсь, а сохраняю благоразумие. На своей территории они нас только запачкают, либо вообще разорвут на клочки. Вот если бы Истина сама рискнула сделать шаг или вверх, или вниз, то обязательно прорвалась и оказалась бы там, где нужна. Обычно, все сами себя загоняют в тупик.

– Бро, я тут загостился и заметил, что этот занятный зоопарк не плод воображения Истины. Не лишай меня удачи лицезреть войну миров из вип-ложи!

– Не люблю тех, кто притягивает к себе столько неприятностей... – продолжал искать причину, а не способ малодушный Вельможа.

– Ну да, ну да, – комично промямлил арлекин, лукаво глянув на друга, а после на Истину, уставшую уворачиваться от хищных птиц и сырых ветров, – Она растрёпанная и совсем не похожа на Мерилин Монро.

– Да... – отвлечённо согласился Вельможа, раздумывая над способами разоблачения болотных лжецов.

– Ну и ты у нас не Кеннеди! – отколол в том же издевательском духе Шутник.

– Что?! – пришёл в себя оскорбленный делегат короля, – Заговариваешься, клоун! В твои преклонные годы пора беречь себя и завязывать с разноцветными таблетками! – упрекнул он, выразительно глядя на то, что веселящее драже роздано всем безудержно смеющимся подросткам, – Лучше вместе с малышнёй отвлечи шакалов от башни.

Так и было незамедлительно сделано, и хвостатые бойцы разбежались за ловкачами на самокатах во все стороны. Тогда Вельможа осмелился приблизиться к башне. Истина озарилась радостной улыбкой и под её взглядом серые цвета скромного с виду визитёра вдруг преобразились драгоценными шелками и антикварными камнями.

Даже без своих сказочных крыльев он засверкал так, что все зеваки с алчными стаями обратили взгляды лишь на его красоту. В этот момент Шутник схватил с земли грязный ка-

мень и зарядил им в затылок Истины, сбив её тонкую диадему с лазурным свечением. От неожиданной подлости и боли она вскрикнула и чуть было не рухнула вниз, но изо всех сил удержалась от падения и горького плача.

– Зачем ты это сделал, подлец! – накинулся на него с кулаками Вельможа, но арлекин лишь посмеивался, уворачиваясь от бархатных ударов приятеля.

– Тебя же спасал, придурок. Дикари бы тебя растащили на сувениры, как Парфюмера, а я ловко переключил всё внимание на неё. Эта самонадеянная курица с китайским фонариком вместо гребешка, всё равно не жилец.

– Какой ты циничный!

– От такого же слышу, о сэнсэй! – продолжал кривляться злой клоун.

– Ласточка моя, не плачь, – обратился Вельможа к Истине, закрывшей руками лицо, – Прыгай вниз без страха, ведь ты легка, как лучик солнца, и я обязательно тебя поймаю.

– И так уже давно «звезду» поймал, Король-Солнце! – крикнул в сторону королевского ревизора кто-то «смелый» из толпы, прячась за женскими юбками.

– Ага, – вторили смельчаку эти пропитанные болотной тиной юбки, – Смотри ещё чего-нибудь не подцепи от этой прости Господи...

– Замолчите! – несколько устало вознегодовал Вельможа, не снимающий своей драгоценной маски, – Что же вы все такие зловредные в своём Лягушатинске?

– Вообще-то, в Жабинске, попрошу! – возмущённо пробубнел вечно похмельный глава города.

– Да она сама та ещё злыдня, эта ваша Истина, – скандировал разношерстный в прямом смысле слова народ, – Знаете, чего о нас говорит день и ночь? И крысы мы у неё, и псы, и петухи.

– Простите, а, кто же вы ещё? – закашлялся от смеха Вельможа, снимая на смартфон необычных говорящих животных.

– Позвольте-с, а с какой стати вы её домашней трёп с утра до ночи слушаете? – обратился к собравшимся Шутник, имитируя светские манеры Вельможи. Озолотившиеся новожабичи растерялись от такого упрёка и над городской ратушей, наконец, повисла тишина, в которой стали слышны слова Вельможи к Истине о том, чтобы она решалась сделать отчаянный шаг в неизвестность.

– Что грязь месите, охламоны?! – взревел на медведей с их рыжеволосым вожаком старый шакал по имени Хан, которому, похоже, подчинялось здесь всё лесное зверьё, – Сбивайте её с башни и хватайте, пока она свою правду на весь мир не разнесла!

– Так точно! – подтянулся перед серым кардиналом рыжий медведь по кличке Пироман и в свою очередь обрушил пулемётную очередь приказов на мишек: – Окружай, раскачивай, хватай!!!

Только косолапым и скудоумным было невдомёк, что они

имели дело не с Пизанской башней, а со старинной колокольней XVIII века с крепким фундаментом на лиственничных сваях. Тогда Пироман, вспомнив про сваи и деревянные элементы внешней отделки, поджёг основание, и несчастное строение занялось огнём.

– Вы, что творите, негодяи? Остановите, арестуйте их! – вновь запротестовали возмущённые вандализмом жабичи, напрасно взывая к собачьим товарищам косолапых.

– И правда, дружище, зачем это? – спросил у медвежьего спасателя по профессии хихикающий Шутник, – Хочешь жареных фактов от Истины? Мир сошёл с ума, пожарники-поджигатели! Надо срочно звать репортёров!

– Не лезь под руку, клоун, а то из тебя жаркое сделаю. – процедил Пироман, не сбиваясь с отточенного плана по захвату зданий и заложников. По его команде мишки в оранжевом подогнули спец транспорт, чтобы потушить собственный поджог и выволить условную жертву внезапного возгорания. – Пацаны, лестницу, живо!

– Эту, шеф? – прогудел Пироману молодой мишка, скручивая в могучих лапах остатки оторванной ранее лестницы.

– Не эту, а нашу пожарную поднимай, болван! И в кого вы только такие тупорылые!!!

Но вместо спасательных большегрузов несколько запоздало подоспели экипажи столичных жандармов при полной экипировке и все их клетки были с трудом заполнены арестованными зверями, разворотившими культурное наследие.

Действовали столь оперативно, что не дали уполномоченным преступникам ликвидировать пожар. Но огонь чудесным образом остановился сам, не доходя до ног Истины, благодаря чему женская часть злопыхателей внизу объявила её ведьмой.

– Я решительно ни черта не понимаю, – буркнул в привычной себе манере Умник, хмурясь на своих столичных коллег, – Чего это они на нашей земле хозяйничают и на кой всем эта Истина сдалась?!

– А зачем понимать? – откликнулся трусливый пёс Хвост, – Надо заранее всё отслеживать, всё вынюхивать. Вот, как я, пристраиваюсь за такими хвостом и бегаю всюду по пятам. Понимать ничего не будешь, зато всё будешь знать.

Пламя и распри на мятежной площади Жабинска угасли одновременно, только недостижимые стервятники Зубоскала не покинули небо. Но Истина уже не могла вернуться назад, да и желания гаснуть чужеродным элементом не было. А тем временем, королевские экипажи засобирались прочь с проклятых болот, и Вельможа в последний раз обернулся в сторону башни с печально застывшей на краю фигуркой.

– Даже не думай звать её, – перебил его благородное желание гнусный арлекин, – Тебе её не поймать и не удержать, братец, к тому же она может испачкать Жабинским золотишком твою горностаевую мантию, поди оживёт. Хе-хе! А Истина, пусть и эфемерна на вид, но непосильно тяжела для нас с тобой, двух прохиндеев.

– Говори за себя. – отстранился от навязчивого товарища Вельможа.

– Но эта чертовка светит очами на нас обоих, видишь? – сорвался на фальцет в своей коварной казуистике арлекин, любивший воровать чужие ценности, – Потому, скажу, как на духу, она видит в тебе только сверкающее богатство, а сам ты ей не нужен!

Истина действительно пронзительно смотрела. В глаза или на усыпанную бриллиантами маску? Лучше бы так и оставаться всегда серым. Вельможа рефлекторно одел маску плотнее и накинул глубокий капюшон мантии.

– С ней лучше иметь дело на расстоянии. – с грустной ухмылкой сказал он Шутнику и распорядился, чтобы слуги подали одну из повозок, которая выдержит прыжок отшельницы. Но она поняла, что таким образом разобьётся и с мольбой посмотрела в родные небеса, которые с трепетом отнеслись бы к своему созданию, если бы не стаи стервятников и вечные дожди.

– Наша пташка хочет домой, – смекнул старый клоун, – Тебя отвергли, Велюнчик, смирись, и дай ей зелёный коридор. Доставай свой арбалет, я хоть на жабинское «Angry birds» погляжу.

– Пойдите ещё минуту! – в смятении повторил Вельможа, оглядываясь на медленно отбывающие экипажи, и наклонился к уху Шутника, – У меня отняли лицензию на отстрел царских стервятников, и потом... Она, что в самом де-

ле собралась... Истина! – громко обратился к ней Вельможа, и в речах его звенела обида, – Ты хочешь улететь прочь, хочешь исчезнуть и сдать перед трудностями борьбы? Ты сама заварила всю эту кашу в заурядном зверинце, коих в стране тьма, чтобы привлечь высокое внимание, а потом так просто уходишь? Зачем мне тогда рисковать? Зачем всё это?!

– Я очень устала от мрака и лжи, простите... – вымолвила она, опустив глаза, – Я просто хотела, чтобы стало светлее, чтобы все знали правду!

– Все?! – оскорблённо повторил Вельможа, – Значит для всех? А я? Я не все!!! Я большой ценитель эксклюзивных ценностей и ты была бы одной из них. А если твои истины для всех, то мне такой дешёвый ширпотреб не нужен!

Отчеканив колкие слова Вельможа развернулся и поспешил прежней тенью в свою карету. Ему устлал путь дождь, скрывающий слёзы разочарованной Истины, и толпа разбежалась в поисках укрытия. Но даже в низких дождевых тучах продолжали бесноваться стервятники, и в порыве отчаяния она бросилась на самый край башни, крикнув во след:

– Куда вы?

Не оборачиваясь, человек в серой маске высоко поднял голову и сказал Истине:

– Всё пустое, я больше тебе верю!

Она в ужасе застыла от таких слов, потом охватила себя руками, словно раненая в сердце, и скорчилась от разрывающей на миллионы осколков боли. Через мгновение и небо

раскололось от мощного удара грома с молнией, который оставил от страшных стай только перья и обрывки облаков в лазурных небесах. Истина с радостной улыбкой на устах распахнула крылатые руки и легко поднялась в чистую высь, где вскоре бесследно исчезла.

Но рваные облака быстро затянулись вновь, сковав небо Гольдрании прежним маревом. Королевский караван ещё долго пробирался во влажных сумерках к столице, тщетно отбиваясь от увязавшихся собачьих и крысиных хвостов. На следующий день всюду объявили, что минувшим вечером доблестные офицеры спасали полоумную девицу, которая пыталась сброситься с башни и поджечь себя в знак протеста против ущемления прав животных и вмешательства центра в систему местного самоуправления. Через неделю в эту ложь поверили все.

(Май, 2016)

Посвящение моему галактическому другу...

Я знаю

Я знаю всё, теперь я знаю,
Я приумножила печаль.
И буду дальше плыть по краю,
Рисуя в мыслях свой причал.

Я знаю, свет тебе не нужен,
Ведь ты скрываешься во тьме,
Где твои куклы дышат стужей
И на виски ложится снег.

Богатый золотом – сердцем нищий.
Ты серая персона-вип.
И Атлантиду ты не ищешь,
Есть у тебя свой Казантип.

Я знаю, что в беде оставишь,
Уж как на помощь не зови.
И только чрез удары клавиш
Повергнешь подлых визави.

Ведь меж добром и злом так тонко
Бывает в царстве вип-теней,
И до сих пор не знаешь толком
На чьей из двух ты стороне.

Ещё я знаю, точно знаю,
Что нет нигде таких, как мы,
Что я люблю и вспоминаю
И разрешаю, чтоб забыл.

(Ноябрь 2016 г.)

Дуэль

Вновь над нами боя зной,
Право выстрела за мной.
Кольты зарядим словами-
Станем лучшими врагами.

Лучший враг не промахнётся,
На свист пули отзовется.
Его верные наганы
Солью жгут старые раны.

Но она мне так нужна,
Даже смерть порой нежна.
Её острое дыхание
Изведёт твоё сознание

Снова споров грянет шторм,
Страсть и злоба – два в одном,
Слёзы ли в глазах стоят?
Ведь в тебе есть только яд!

Вдруг взаимная искра —
Завершается игра,
Угасает весь накал —
Отражений двух зеркал.

Враке! – ничья разводит нас,
И любовь и смерть тут пас,
А в тебе сомнений мрак,
Ты живой, но лучший враг.

(Сентябрь 2008 г.)

Люди-корабли

– А люди похожи на корабли, – рассуждала вслух выдумщица, сидя на пирсе, – Ходят по морю согласно заданному курсу или сбиваются с него из-за плохих условий, сталкиваются в бескрайних морях или навеки расходятся каждый по своим направлениям. Кому-то в паруса всегда дует попутный легкий ветер, а кто-то вынужден, выбиваясь из сил, грести всеми имеющимися веслами к золотым берегам.

Кто-то из нас находит свою драгоценную Атлантиду под толщей мутной воды, а кто-то намертво садится на мель своих погибших миров. Нас штормит от возмущения окружающей среды и накрывает цунами влюбленности, которая если не утащит на дно, то также неожиданно отхлынет, оставив после себя только сбитые мачты.

Одни подобны громоздким эсминцам и авианосцам, но силами этих невзрачных громил даются победы. А другие, как красивые пароходы и хвастливые яхты – через этих меркантильных особ проходят толпы разного народа, после которых остается лишь износ и горы мусора. Кто-то добывает, кто-то ловит, а кто-то перевозит, и на всех этих трудяг обязательно найдутся пиратские суда флибустьеров, объединенные волчьей жадностью и злобой, которые отнимут чужое добро, взяв на абордаж.

Некоторые тайно вторгаются в чужие территориальные

воды, как супер оснащенные подводные лодки во имя преступных действий. Другие не замечают, что уже не шпионы и не разведчики, а красуются на всеобщем обозрении центральной площади, как отслужившая свое субмарина-музей. Кого-то даже не существовало вовсе, как легендарного Летучего Голландца, но многие в них верят или более того, пытаются их найти. Но кто-то и до уровня катамарана не дорастает за всю свою жизнь, так и оставаясь чьим-либо якорем или крысами, бегущими из трюмов с чужим кормом во время бедствия.

Одни корабли объединяются общими интересами в целые флотилии, а другие дрейфуют по одиночке, но от этого не теряют своей значимости. Некоторые из них терпят крушение, разбившись об острые пики льда, и идут на дно вместе со своими внутренними сокровищами, которые станут ценными для окружающих только после кораблекрушения. А кто-то счастливый еще откроет новые земли и покорит свои неизведанные полюса.

– Семь футов под килем! – крикнул ей издали капитан своего «Летучего Голландца» и, махнув рукой, растворился в пенистых волнах.

(Февраль 2017г.)

Графоман

Вновь мастер бестолковых строк
С благоговением взял листок.
И на беду того листа,
Чья так прелестна чистота,

Покрыл узором пресных слов,
Бессменен был его улов...
Среди ловцов гребней ундин,
Поэзии морских глубин,

Строителей песочных замков,
И реставраторов останков
Себя он гордо называл,
«Достойнейшим земных похвал».

И он писал, писал, писал...
Свой век бумажный коротал.
Он написал «Миров войну»,
И «За Детей Отцов вину»,

Свои «Центурии» и «Пир»,
И «Код Ди Каприо» открыл.
Но измождённый графоман,
Попав в свой творческий капкан,

Запальчивым пером поник,
И слёг под гнётом бранных книг.
Так плагиаторский кураж
Не оправдал итоги краж.

Лишь настоящему творцу,
Писать чужое не к лицу,
И подлинная лишь строка
Дарует славные века.

(Апрель, 2010 г.)

Мата Хари

Симбиоз или мезальянс
Школьной формы и женских глаз,
Хитрых, словно у сотен лис?
«Она лучшая из актрис

Крепостного театра мод» —
Повторял себе кукловод,
Сохраняя при этом вид,
Словно тихий швейцарский МИД.

«Её можно и в грязь, и в знать.
Сможет всё про всех разузнать,
Сможет всех зверей соблазнить,
Не забыв Ариадны нить.»

Но обману ты верь, не верь —
Всех насквозь видит главный зверь
И возложит на свой алтарь
Её сердца бурый янтарь

Под кенийских тантамов бой,
Под неистовый волчий вой,
Песнопений шаманских звук
И дурман сладострастных мук.

Станет искренним лишь на миг
Маты Хари последний крик.
Только всё поглотит острог,
Того, имя чьё «Педагог».

(Январь, 2017)

Свободный художник

В некотором царстве, в некотором государстве король прогуливался по своим бескрайним владениям в сопровождении верной свиты, имя которой было легион. Моменты появления этих небожителей среди простых смертных были настолько редкими и окутанными атмосферой таинственности, что считались в народе чем-то вроде чуда, а последствия таких нисхождения приравнивались по своей мощи с катаклизмами. Со стороны это действительно выглядело, словно прохождение лучезарной кометы в крошечной тьме, а всё вот почему.

Формой правления в государстве была священная монархия. Во всех смыслах священная. По легенде король был послан некогда сумрачной стране самим Господом Богом с небес во спасение народу. И впрямь, в отмеченной Всевышним стране наступил долгожданный рассвет, начали происходить невообразимые чудеса и феноменальные реформы. Только в самом начале этих обещанных реформ у бесценного света выискались свои жадные хозяева, и в распахнутых людских глазах вмиг всё погасло, как при солнечном затмении.

Оставалось лишь развести руками в крошечной темноте, в то время, как сверху сыпались искры сановников, бьющихся за королевский свет. Впрочем, глашатай исправно уве-

домлял, что это отсветы священнодействий монарха.

Самые смекалистые из подданных не переставали дивиться, тому, куда же мог подеваться свет, и сомневаться в чудесных делах государевых, но знали, что теперь от короля в самом деле исходило ослепительное сияние усиливающейся с годами мощности. Одним словом, такое диво дивное, от которого все госслужащие в итоге ослепли, включая самого государя, который скрывался от народа в лучезарных облаках и по сей день.

Вскоре к набирающему славу королю-волшебнику в помощники, словно мотыльки на свет, начали слетаться чудесники со всех уголков страны, от вечных льдов до знойных степей. Они вольготно грелись в священных лучах и всякое дело их мгновенно становилось божьим промыслом. От воровства киловатт до поджогов потехи ради.

Всё окружали и окружали монарха те фальшивые сановники, как летняя мошкара уличную лампу, и в конечном счёте ни единого луча от него не оставили. Огромная страна вновь погрузилась в сумрак и, в сущности, равный друг другу одичавший люд разделился на высший свет и низшую тьму. Так и зажили уроженцы одной земли, словно в двух разных странах, ничего не знающих об истинном укладе дел на противоположной стороне от святого монарха, поскольку свет с тенью никогда не пересекаются.

Многочисленная свита в благодарность нарекла короля Священным Спасителем, и потому право приоритетного по-

ложения подле монарха получила Служба Спасения и Преосвященство, а затем уже плотными кругами распределялись прочие спецслужбы, за которые гроздьями цеплялись верткие простолюдины, словно тонущие в океане за спасательные шлюпки. Главный Спасатель монархии тотчас задрал нос перед остальными, так сильно били в глаза чудесные лучи королевской славы, распространившейся на весь мир. Да только посмеивался над этим самый ближний круг Спасителя, коего из-за ослепительного света вовсе не видно было. Их называли Незримыми.

– О! Гляньте, опять светляки наши с небес спускаются! – желчно заметил тучный торговец центрального рынка столицы и начал спешно перекидывать свою пушнину под столь редкие небесные отсветы, что добрая половина рыночных торговцев, впрочем и всего народонаселения, стала здесь подслеповатой.

– Издеваешься снова, я ничего особенно не вижу. – пасмурно огрызнулся директор рынка в чёрных очках с белой тростью в руках. Эксклюзивная трость та некогда подаренная королём фосфоресцировала в темноте, но слепые фанатики хором утверждали, что видели, как святой монарх к ней прикоснулся, однажды осматривая свои Потёмкинские деревни.

– Говорю же вам, королевская колесница за дармами спускается! Сейчас пойдёт! – настаивал скорняк, уже светящийся от счастья.

– Ах! Едут! Свят, свят! – закудахтали щурящиеся бабульки, которые торговали давно сгнившими и засушенными продуктами.

– Свят, свят! – подхватили газетчики, словно гимн.

– Боже, монарха храни! – скандировали следом фанатики.

– Богоявление... – со священным трепетом в довершении выдохнул слепой, как крот, ключник и пал ниц перед самой колесницей, что светилась в тысячу солнц, испуская лучи всех цветов радуги.

– А ну пошли вон!!! – грозно рявкнул королевский кучер в светящейся шляпе, словно овеянный нимбом, – Дайте Спасителю дорогу, иначе не видать вам света небесного.

Часть слепышей во главе с человеком со светящейся тростью усмехнулись на эту угрозу. В священной монархии был самый гуманный правитель в мире и всякое насилие вплоть до убийства он, опираясь на Преосвященство, строго запретил. Утопающее в пьянящем свете, оно однажды просто запретило въезд на территорию дуалистического государства бледной с косой, как излишне тёмной личности.

Потому сбить со своего пути умалишённого ключника и насильно потеснить восхищенную толпу добрейший монарх бы не разрешил. Оставалось слугам Спасателя в озаряемых жилетах лично ступить на мрачные земли и вручную расчистить путь прогуливающейся власти. И всему экипажу пришлось сделать вынужденную остановку среди смертных на несколько минут.

– Это, что нам теперь целый Божий день на этом гнилом рынке сидеть, как в темнице?! – негодовал избалованный са-новник со светодиодными усами.

– Уж будьте любезны, – отвечал ему торговец пушниной, – Пущай народ хотя бы вспомнит, что такое светлый день.

– А короля, короля бы увидеть? – взмолилась прищуренная толпа рыночных зевак.

– Ещё чего... Он небожитель! Его Святейшества на земле нет и никогда не было... – надменно хмыкнул усач и, бросив им пригоршню искрящихся блёсток, вновь скрылся за живой изгородью из освещённой стражи.

Чудеса не заставили себя ждать, тёмный народ стал прозревать один за одним. И увидели они, наконец, в каком запустении прибывает всё вокруг и, что озаряется собранным со всей страны электричеством только королевская колесница изнутри. В народных массах тут же начались небывалые волнения и скандальные разоблачения.

Из монаршей кареты на секунду выглянули сияющие усы с тем, чтобы выяснить причину заминки и народных волнений. Так, ненароком, рыночный художник, стоящий недалеко от препирающихся с народом стражников, увидел истинную наружность легендарного святого монарха. Зрячий художник, наловчившийся писать в потемках, обомлел от вполне земной простоты небесного посланника с аккумулятором в руках. В следующий момент дверцу кто-то поспешно захлопнул.

Как всякий творческий человек, не сумев донести до людей невероятную правду, потрясённый художник схватился за карандаш.

– Дурак, что ли?! – ткнул его в бок слепой на один глаз товарищ, – Потом будешь мазню свою рисовать, всё равно никому это здесь не нужно. Гляди лучше на битву света с тьмой. По телеку-то такого не увидишь, обесточило давно.

– Так ведь, его ты вообще никогда и нигде настоящего не увидишь.

– Не может быть! Да провалиться мне на месте! – нервно дёрнул щекой приятель, Художник в ответ лишь кивал и посмеивался, – Это?! Неужели святой король или снова брешешь?

– Он самый! Клянусь, я видел его и он такой же... – воскликнул наивный рыночный портретист и товарищ едва успел прикрыть хвосту рот.

Один зоркий сановник, чье платье светилось голубым газовым светом, заметил двух простаков, глазающих слишком нагло на драгоценную колесницу монарха, и велел двум стражникам, специализировавшимся на борьбе со свободомыслием, всё выяснить.

– Так-так, граждане, чего тут трёмся в неподобающем месте, над кем смеёмся, что рисуем?

– Ну вот, докричался... Так ведь, белому дню радуемся. – нашёлся приятель Художника, притворно улыбаясь двум Светоборцам. – Нечасто в наших краях так светло и ве-

село бывает.

– Хорошо смеётся тот, кто смеётся, как крот! – пошутил светлый любитель чёрного юмора и взял обоих простаков за шкирку, чтобы стукнуть друг об друга и отбросить подалеже на обочину жизни, дабы не мешали «Млечному пути». Но второй стражник, что был старше и умнее, остановил коллегу.

– Оставь их, Преосвященство не позволяло членовредительство. Нас интересуют только художества. Кто это? – спросил он, вырвав из рук Художника готовый набросок скромного человека с аккумулятором в руке.

– Это... – замешкался портретист, глянув на приятеля, который семафорил ему и здоровым, и слепым глазом. Он растерялся ещё сильнее, но спустя секунду понял, что Светоборец и сам в глаза не видел чудо, которому свято служит, – Это наш святой монарх... – честно начал тот и добавил, когда приятель отдал ему ногу, – Я же художник, я так вижу.

Все близ стоящие стражники, как один, грохнули дружным смехом.

– То-то и оно, – угрюмо буркнул ухмыляющийся Светоборец, – все вы, бездари, так видите. За это мы вас впотьмах и держим, чтобы за зря не брехали. Так, рисунок я забираю... – деловито распорядился старший борец за люминесцентную правду, но народ снова завопил о своих надуманном правах, – ... на экспертизу! Умолкните и уведите наконец кликуш из-под колёс!

Результаты анализа сомнительного творения не заставили себя ждать. Спец транспорт с голубоватым свечением чуть отстал по такому случаю от королевской колесницы, что отправилась восвояси. И уже целый взвод крепких Светоборцев навис над скромной лавочкой портретиста.

– Художник земли тёмной? Кривых и тёмных дел мастер? – официально обратились они, и печальный портретист с белым, как его новый лист, лицом громко сглотнул.

– Видимо, я... Что теперь со мной будет?

Все шумные рыночные торговцы смолкли и настороженно прислушались.

– Вашу зарисовку принял бы за королевский портрет только слепой или сумасшедший, – сказал, зыркнув в сторону онемевших зевак, хитрый Светоборец и продолжил, взяв Художника под локоть, – однако она приглянулась Светлейшему Герцогу, который и пригласил вас стать... Одним из придворных художников. Проследуем!

Толпа ахнула, и её досадные споры о таланте и бездарности рыночного портретиста ещё долго слышались за спиной удаляющихся стражников.

Верно говорят, никогда никому не завидуйте, пока не узнаете, как они кончили. Отмеченного светлейшим вниманием Художника привели в королевство с повязкой на глазах из гуманных соображений, дабы тот не ослеп с непривычки. А ему ведь столько ещё нарисовать предстояло. Повязку сняли лишь, когда он оказался непосредственно в сво-

ей мастерской. Художник, щуря глаза, оглянулся вокруг себя и подспудно смутился.

Скромный человек из народа, конечно, не ожидал сияющих роскошью хором, но это была абсолютно пустая квадратная комната без единого окна. И она освещалась одной только лампочкой, которая выделяла из белого массива обеденный стол, великодушно приготовленную постель и мольберт с холстом и красками.

Увидав краски в этой безрадостной обстановке, Художник всё-таки улыбнулся и от души поблагодарил своего нового работодателя с напряжённым лицом и мёртвыми глазами, который тем временем внимательно ловил каждую эмоцию и слово неоднозначного простолюдина. Краски вполне могли заменить одаренному творцу целый мир в живописном окне. Да он просто мог собственноручно создать себе замену этому красочному миру.

Полный счастья от того, что обеспечен работой в придачу к высшему покровительству, мастер первым делом взялся за подаренный набор красок с названием «Ярче яркого». И он нетерпеливо открыл все тюбики, один за одним, чтобы тут же написать масляный портрет, как на зло, практически безликого поручика Светлейшего Герцога. А эти коварные краски оказались, как нельзя кстати для написания портрета одного из Незримых – ни одна из них не имела цвета. Они были абсолютно прозрачными.

– Простите, а что с красками? Они бракованные? – изу-

мился Художник и поручик, не моргнув серыми глазами, объяснился.

– Все в норме, так и задумано. Бесцветные нанокраски – это новые разработки наших учёных, а ваше пёстрое меси-во это прошлый век. Она не оставляет ни следа, ни запаха. Зачем при священном королевском дворе лишняя грязь? Вы ведь должны содержать своё рабочее место в образцовой чистоте. Итак, – сконцентрировавшись на основной мысли, Незримый всмотрелся в слегка померкшие глаза портретиста, – ваша задача, как придворного художника, каждый день рисовать этими красками тот легендарный портрет и для разнообразия отображать на холстах все ваши ежедневные впечатления. Всем необходимым – материалами, лекарствами, съестным и достойным гонораром, вас обеспечат. Не переживайте и не вспоминайте свою вчерашнюю уличную жизнь во тьме, теперь вы на полном государственном обеспечении.

– А... – заикнулся растерянный мастер, кинувшись во след сбегающему серому кардиналу.

– На прогулку пока нельзя, оставайтесь у себя в мастерской. Вам нужно, как следует отдохнуть перед серьёзным и плодотворным трудом во славу нашего святого монарха. Счастливо!

– И вам, счастливо! И спасибо! Спасибо большое! – слышались приглушённые благодарности из закрывающейся за Незримым двери.

– Всегда пожалуйста! Идиот несчастный... – фальшивая улыбка сползла с его жёсткого лица, когда мускулистый Светоборец закрывал дверь мастерской на три надёжных замка. – А ты слушай свою задачу! Регулярно кормишь, даёшь вот эти препараты, неусыпно сторожишь каждый шаг, меняешь холсты, старые на новые...

– Что за бред? Как будто они отличаться будут! – уместно возмутился подчинённый.

– Для этого придурка будут! Не прекословь мне или тебя также запрут, света белого больше не увидишь!

– Слушаюсь, – обиженно буркнул толстолобый страж, но всё же спросил, злобно глядя из-под того же лба: – и сколько прикажете его так содержать и нянькаться с этим отребьем?! Не легче ль было прихлопнуть преступника!

– Будем держать его сколько понадобится Святой Империи!!! – взвизгнул в ярости Незримый, но, скрестив ручки на бесцветной мантии, успокоился и пояснил недогадливому слуге, – мы же служители священной монархии и согласно Божьему закону не имеем право никого убивать. Согласно одной весьма эффективной, унаследованной нами от иезуитов, методике мы должны его перевоспитать, исправить, так сказать, довести до совершенства. Этот художник видел и запомнил кое-что о священном короле, чего никак не должен знать и болтать по миру. А мы привилегированные хранители сакральной тайны, должны теперь охранять этого любопытного простака, как государственную тайну. Понял?

– Да понял, не дурак. Только не жирно будет, какому-то вшивому простаку царскую охрану по гроб жизни?

– Лучшими стражниками в стране охраняется вся собственность короля, друзья и близкие. Враги режима и те, кто представляют угрозу для монарха это такая же собственность монарха, верно я говорю? Верно! Служи своему королю, а я пока к себе, ты меня утомил, Светоборец...

– И всё-таки. Что такого наш хорёк узнал о его Преосвященстве? – задал в пустоту очередной глупый вопрос охранник удаляющейся серой спине, но так и не получил ответа, ибо второго такого карцера в королевстве пока не оборудовали. Хотя возлежащий в своих сиятельных покоях кардинал засыпал именно с этой досадной мыслью.

Шли однообразные дни, недели и месяцы иезуитского эксперимента Незримых над Художником, шли, словно белый снег, не оставляющий не единого яркого пятнышка. Одни белые листы сменялись другими. Обманутый художник добросовестно переносил на квадратный чистый холст впечатления о жизни в своей бесцветной коробке, вначале чувствуя себя придворным рекрутом, который должен действовать строго по обговоренным правилам, а после просто так покрывал холст бесполезным прозрачным гелем, поскольку в неволе больше нечем было заняться. К нему не пускали ни одну живую душу, ни разу не выпускали в свет и самого замкнутого в ловушке творца.

Даже угрюмому стражнику, любившему украдкой поизде-

ваться над заключённым, в конечном счёте запретили разговаривать с ним через дверь. Инквизитор в сером лишь раз завел стражника в подготовленную темницу с бесконечной кипой сканвордов, который тот, если ослушается, должен будет разгадать с помощью бесцветной ручки, чтобы получить свободу.

– Но ты же гораздо умнее нашего дурачка? Ты всё понял? – спросил вкрадчивым тоном доктора Менгеле у напуганного охранника Незримый и решил открыть свой нехитрый секрет, – Это такой психологический эксперимент и наказание для мошенника, вообразившего себе, что он видел самого Солнцеликого короля, сохранив при этом зрение и рассудок. И решил, что сможет наладить продажу его портретов. Вздумал обогатиться таким образом на сакральных государственных тайнах. Следовательно, мы должны сделать так, чтобы он забыл тот роковой день и своё неизгладимое впечатление о нём. Придёт время и я велю Художнику нарисовать портрет уже настоящими красками. И, когда он, позабывший в четырёх белых стенах всё и отвыкший рисовать, оставит холст первозданным, лишь тогда он получит свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.